

к той культурной традиции, на почве которой и состоялось его появление. Таким образом, итоговым пунктом анализа конкретной художественной целостности должно быть определение типа ее концептуально значимого художественного завершения, указание на границы спектра адекватности, в пределах которого оказывается возможной духовная встреча автора и читателя.

ГЛАВА 1. ЦЕЛОСТНОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЦИКЛА

Проблема единства цикла "Миргород" впервые была поставлена Г.А. Гуковским¹. Тем не менее, и после появления книги Гуковского продолжает существовать устойчивая тенденция рассмотрения повестей, входящих в состав гоголевского цикла, изолированно одну от другой.

В какой-то мере такой подход вполне оправдан: части прозаического цикла не связаны между собой столь же тесно, как части отдельного произведения, хотя бы и состоящего из ряда повестей (в "Герое нашего времени", например). Каждая из повестей "Миргорода" представляет собой особое художественное целое. Индивидуальную природу каждой целостности мы попытаемся рассмотреть в дальнейших главах работы. Теперь же отметим лишь то: что при их взаимодействии возникает, говоря словами Г.А. Гуковского, "построение особого смысла и значения, не заключенного в каждой из них порознь"². Не случайно в последнее время в связи с обострившимся интересом к циклу как таковому³ исследователей все больше привлекает анализ не отдельно взятой повести, а сборника в его единстве⁴. Однако аргументы в пользу этого единства не всегда представляются удовлетворительными.

По нашему убеждению, анализируя "Миргород" как цикл, необходимо на основе выявления природы художественной целостности каждой из его повестей так или иначе учитывать три момента:

1. Реальный состав "Миргорода" как цикла, состоящего из **четырех** повестей в их взаимной связи.
2. Авторское выделение **двух частей** цикла.
3. Заданную **последовательность** повестей.

В зависимости от того, в какой мере учитываются (или не учитываются) эти моменты, присущие одному из аспектов эстетической целостности — **конструктивному**, можно условно выделить три группы исследований "Миргорода".

1. Исследователи не рассматривают ту или иную повесть как неотъемлемую часть цикла. Так, Т.А. Грамзина выделяет "три линии творчества Гоголя, которые ясно обозначились в "Миргороде": "сатирическую" ("Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем"), "героико-патетическую" ("Тарас Бульба") и "фантастическую" ("Вий")⁵. Как мы видим, в этом ряду никак не фигурирует первая повесть цикла.

Н.В. Драгомирецкая считает, что "цикл повестей удерживает друг возле друга... два противоположные стилевые образования"⁶ (в "Тарасе Бульбе" и "Повести о том, как поссорились..."), не рассматривая при этом две другие повести сборника.

В.А. Зарецкий, говоря о двух "сквозных темах" цикла – противопоставлении "дерзких мечтаний" низменной буколической жизни и "варьировании трагических коллизий", вынужден признать, что "последняя повесть "Миргорода" – единственная, где тема "дерзких мечтаний" не находит прямого развития"⁷.

М.С. Гус говорит о трех вариантах сюжетов "Миргорода": "лирико-драматическом" (в "Старосветских помещиках"), "трагическом" (в "Вице") и "комедийном" (в "Повести о том, как поссорились..."), указывая, что всем им "дана демонологическая окраска"⁸. Но в состав цикла входит еще и повесть "Тарас Бульба", которая, очевидно, представляет собой **четвертый** вариант сюжета, лишенный "демонологической окраски".

2. Не учитывается авторское выделение двух частей цикла "Миргорода". Например, Н.Л. Степанов считает, что "основной пафос "Миргорода" – в противопоставлении паразитической сущности косных существителей и широкой народной жизни"⁹; что "миру мелких стяжателей, нравственных уродов..., изображенных в других повестях "Миргорода", Гоголь в "Тарасе Бульбе" противопоставил сферу народной жизни"¹⁰. При этом не вполне ясным оказывается авторское объединение одной из трех **противопоставляемых**, как это полагает Н.Л. Степанов, "Тарасу Бульбе" повестей с последним в единую часть цикла.

Сходный упрек можно адресовать Т.Г. Морозовой, полагающей, что "Тарас Бульба" и "две реалистические повести из современного помещичьего быта (т. е. "Старосветские помещики" и "Повесть о том, как поссорились..." – И.Е.) должны взаимно оттенять друг друга"¹¹, и Ф.З. Кануновой, которая считает, что "основной конфликт "Миргорода"... между высоким героич-

ческим народным началом и страшной... тиной мелочей, уродливым миром крепостничества"¹².

3. Не учитывается заданная последовательность повестей. Любопытно отметить, что еще в 1909 году авторы одной из работ, после перечисления повестей, вошедших в сборник, замечают, начиная разбор: "мы несколько переставим их"¹³. Нужно сказать, что и ряд современных ученых, предлагая исследования гораздо более глубокие и интересные, все-таки зачастую авторскую последовательность повестей так или иначе игнорируют.

По Г.Н. Пospelову, "героические запорожцы противостоят... помещикам (изображенным в первой повести цикла. – И.Е.), а страшная борьба Хомы Брута... нелепой ссоре миргородских существителей"¹⁴.

Это наиболее распространенная точка зрения. С.И. Машинский, например, тоже считает, что "поэзия героического подвига в "Тарасе Бульбе" противостояла пошлости старосветских "существителей", а трагическая борьба и гибель философа Хомы Брута еще больше оттеняла жалкое убожество и ничтожество героев "Повести о ссоре"¹⁵. Близкая точка зрения у И.В. Карташовой¹⁶, И.И. Агаевой¹⁷.

При таком подходе затруднительным представляется разрешение, по меньшей мере, двух проблем. Почему уже после "развенчания" старосветских помещиков дается сходное противопоставление? Как мотивировать тот факт, что в первой части сборника вторая повесть "опровергает" первую, а во второй части, напротив, первая повесть "опровергает" вторую? Непроясненной оказывается логика авторской последовательности. Главное же, при этом не вполне ясен и общий смысл указанного двойного противопоставления. Впрочем, данные вопросы исследователями даже не были поставлены.

Особую позицию в этом вопросе занимает И.П. Золотуский, который, противоположно характеризуя повесть "Старосветские помещики", а именно как "торжество согласия и примирения, торжество меры и равновесия между реальным и идеальным", как "поэму о бессмертии чувств"¹⁸, замечает, однако, что "ступив из эпоса в быт (повести "Тарас Бульба" и "Старосветские помещики" стоят в "Миргороде" рядом), Гоголь не утратил высоты переживания... к своим героям"¹⁹. Вполне соглашаясь с исследователем в оценке первой повести цикла, мы, тем не менее, не можем не отметить, что Гоголь не **ступал** "из эпоса в быт", а скорее уж

наоборот – из "быта" в "эпос", так как, хотя повести в сборнике и стоят рядом, но "Старосветские помещики" не следуют за "Тарасом Бульбой", а предшествуют ему.

Американский исследователь Х. Мак-Лин, полагая, что в четырех повестях сборника находят свое выражение отдельные фазы развития в психике Гоголя, различные этапы его "бегства от любви", "располагает" повести в следующей последовательности, соответствующей этапам "бегства": "Тарас Бульба" – "Вий" – "Старосветские помещики" – "Повесть о том, как поссорились..."²⁰.

Наконец, очевидным выражением невнимания к авторской последовательности повестей является утверждение, что "Вий" мог быть итоговой повестью "Вечеров...", а повесть "Иван Федорович Шпонька и его тетушка" могла бы открывать собою "Миргород"²¹. Мы считаем, вслед за Г.А. Гуковским, что "Миргород" настолько замкнут в себе, что он не допускает в свой состав "чужеродных" вставок²² или перестановок. Начинать цикл может именно повесть "Старосветские помещики" и только она.

Следует особо отметить исключительно интересные работы о "Миргороде" Ю.М. Лотмана²³ и М.Н. Виролайнена²⁴. Эти исследователи вскрывают очень существенные черты поэтики отдельных повестей (мы ниже рассмотрим часть их наблюдений), однако, к сожалению, никак не комментируют наличие двух частей цикла и заданную последовательность повестей.

Для Р. Писа эти вопросы также не стали предметом специального рассмотрения²⁵.

Говоря о соотношении повестей цикла, мы присоединяемся к мнению Г.А. Гуковского, что "Миргород" – это "не только сборник из четырех рассказов, это как бы единая книга, заключающая в себе единую установку"²⁶. Концепция самого Г.А. Гуковского вообще представляется чрезвычайно заманчивой. Ученый выделяет в структуре "Миргорода" первые повести каждой части (он называет их "вводными") и вторые. В первых, по его наблюдениям, дано объединение "мечты как нормы" и ее "искажения", а во вторых существует раздельно "норма" (в "Тарасе Бульбе") и ее "искажение" (в "Повести о том, как поссорились...")²⁷.

Однако, на наш взгляд, реальное художественное содержание "Миргорода" в эту стройную логическую систему все же не вполне укладывается. Симптоматично в этой связи то, что Гуковский не находит нужным подробно останавливаться на месте "Вия" в структуре цикла. Ведь если "Старосветские помещики", по мне-

нию ученого, "кратчайшее выражение всей идейной композиции книги", "тезис" ее²⁸, где "норма" и ее "искажение" еще объединены, то трудно мотивировать художественную необходимость существования в составе цикла еще одного такого же "тезиса" (да к тому же и в середине сборника), в котором исследователь находит такое же объединение двух начал.

При эстетическом анализе "Миргорода" как цикла возникает и целый ряд других, более частных вопросов, требующих, однако, специального комментария.

Почему сборник назван именем уездного городка, хотя действие в трех повестях из четырех, его составляющих, разворачивается в другом месте? Почему цикл имеет подзаголовок: "Повести, служащие продолжением "Вечеров на хуторе близ Диканьки", хотя миргородские повести, по замечанию Анри Труайя, "не напоминают последних ни темами, ни настроением, ни даже стилем"²⁹? Почему Гоголь предпослал циклу два весьма загадочных эпиграфа, которые почти не комментируются в современных литературоведческих трудах?

Таким образом, присоединяясь к тем исследователям, которые убеждены в единстве рассматриваемого цикла Гоголя, мы попытаемся в последующих главах предложить свое истолкование сущности этого единства на основе эстетического анализа каждой из повестей сборника и с учетом тех необходимых условий, о которых говорилось выше. Основываясь на результатах эстетического анализа, мы надеемся выявить характер отличий целостности отдельной повести от единства прозаического цикла.